

Расшифровка интервью

Дата: 26.07.2021

00:00:05

Азарий Михайлович, вот такой [вопрос], мы как бы не знаем друг друга, да, и, пожалуйста, представьтесь и скажите, в каком году вы родились.

Меня зовут Азарий, фамилия Плисецкий, родился я в славном 1937 году и пришел к вам, чтобы рассказать о событиях, которые сопутствовали моей жизни с 1937 года. Раньше, к сожалению, не помню.

00:00:40

Вот у вас так здорово описана ваша семья. Расскажите немного и вот об этой стороне со стороны мамы, да, о Мессерерах, и о Плисецких. Вот то, что знаете, то, что помните. Понятно, что вы знаете очень много, но вот какие-то основные вещи.

Ну, то, что я знаю, это из того, что помнит, помнила моя мама, то, что мне рассказывала, потому что первые годы своей жизни, которые я провел с ней в тюрьме и в ГУЛАГе, конечно, я помнить не могу и только стараюсь воспроизвести в своей голове то, что мама мне рассказывала.

00:01:23

Просто о семьях. Вот просто о семьях, у вас такие хорошие описания. Кто, кого помните, кто был ближе всего, кто были ваши деды, чем они занимались, что у вас за семья. Ведь семьи такие необыкновенные.

Семья действительно необыкновенная, особенно со стороны Мессереров. Это была многодетная семья. Дед был зубным врачом и очень любил детей, поэтому у него было 10 человек детей. Из этих десяти большая часть посвятила себя искусству, но были инженеры, литераторы. Большинство из них, конечно, я помню, то есть это братья и сестры моей матери, которые всегда были близки нам. Эта семья сыграла важнейшую роль в том, что нам была сохранена жизнь, что я не был отнят от матери, что и тетя, и дядя, танцовщики Большого театра, Асаф Мессерер и Суламифь Мессерер взяли на воспитание в момент самый трудный, критический, трагический момент. Взяли к себе. Суламифь Михайловна взяла Майю, а Асаф Михайлович взял Александра, моего старшего брата. И поэтому в момент ареста они не остались на улице, они были в семье, и им было... Более того, их так оберегали, что они почти не понимали даже, что произошло и в момент какой трагедии они живут. Ну и тем более я, когда родился, конечно, не мог помнить всего этого.

00:03:20

Мы чуть-чуть попозже, если можно, поговорим, вот просто удивительно, да, вот десять человек детей, дед зубной врач, откуда такая тяга к искусству, почему столько людей стали актерами, артистами балета, вот откуда это?

Это, очевидно, бэкграунд семьи, бэкграунд семьи, где культивировалось искусство, где культивировалась литература, где сам дед был высокообразованным человеком, знал много языков и любил очень изучать. Вот это вот стремление к изучению, к познанию нового, очевидно, он передал это детям, поэтому раннее воспитание в артистической семье и сформировало многих из них. Хотя старший брат, в честь которого меня называли, Азарий Михайлович Мессерер, который сделал псевдоним Азарий Азарин, он стал актером, актером МХАТа, потом работал с Вахтанговым, очень дружил с Чеховым, с Михаилом Чеховым, с братом, и переписывался с ним. И, в общем, он предопределил тоже путь артистический других своих братьев и сестер. Второй брат, Матаний, Матаний, стал литератором, писателем, журналистом, прожил очень трудную жизнь, тоже был дважды арестован, но был выпущен. И прошел Соловки, прошел страшные трудные годы, но я его отлично помню, когда он уже вернулся из заключения, и он тоже на меня повлиял в большой степени в формировании и моих мировоззрений, моего характера, моих познаний. Это человек, который во многом мне заменил отца, это Матаний. Кстати, он тоже взял псевдоним Азарин, не зная, что его старший брат взял такой же псевдоним, Азарий. Он был Матаний Михайлович Азарин.

00:05:44

А Матаний Михайлович рассказывал вам про его аресты, про его заключение?

Да, да, он рассказывал о многом. Он стал, кстати, жертвой банального доноса своей бывшей жены, которая не простила ему расставания, написала на него довольно обширный донос, который нам даже довелось читать уже сейчас, когда открылись архивы. Его арестовали, приписав ему абсурдные какие-то обвинения, сослали на Соловки, где он был у нас сначала в какой-то даже артистической бригаде, потом опять в результате очередного доноса его послали на Лесоповал, где, в общем, он и потерял здоровье. Он вернулся с туберкулезом. До 1956 года он прожил уже на свободе. Я его отлично помню, и помню с большой благодарностью и с благоговением.

00:07:00

А он... Простите, а вот до 1956 года, значит, вы уже были практически выпускник училища, вы часто вообще разговаривали с ним об этом? И вообще он любил, не любил, боялся, не хотел или, наоборот, хотел рассказывать об этом? Это была важная тема?

Нет, он, конечно, осторожничал с нами, зная, что мы по наивности можем лишнее что-нибудь сказать. Поэтому он так особенно не распространялся на это. Но капал иногда правильные слова, которые мне запомнились. Первый человек, от которого я услышал эту формулу — культ личности. Это как раз от него. Я думал: что же это такое, культ личности? Он мне объяснил.

00:07:45

А что он сказал тогда? Что это такое? Как вот он сказал?

Ну, вполне литературно он объяснил, что это возвеличивание персональное, возвеличивание одного человека, который окружил себя лизоблюдами и которые возвеличивают его и которые действительно создают культ, давая ему неограниченные возможности управления и проявления жестокости.

00:08:15

А вообще в семье как относились к Сталину и к Ленину?

Ну, особенно, конечно, как и все мы в школе там «Сталин, наша слава боевая», это, конечно, мы пели всё, не понимая особенно, что происходит. В семье особенно это не обсуждалось. О Ленине вот этот Матаний Михайлович мог бы многое рассказать, но, к сожалению, я не всё удержал в памяти. А о Сталине — то, что когда он умер, когда появилось в газете это известие о смерти Сталина, я помню только слова мамы: «Сдох негодяй». Это мне запомнилось, потому что меня шокировало: кругом все плакали, все рыдали, там мы сами бегали, там старались... Мы жили недалеко от Дома Союзов, где шли похороны, прорывались там через грузовики какие-то, но всё равно не удалось посмотреть на гроб. Но я помню эти все дни траура, поэтому особенно слова мамы врезались мне в память, но, конечно, я их никогда не цитировал.

00:09:38

А вы сами что в этот момент чувствовали, когда сказали, что Сталин умер?

Ну, я чувствовал, что это какой-то рубеж, рубеж перемен, что что-то должно произойти позитивное, явно, потому что действительно были, последние годы правления Сталина были мрачными, черными. Это «дело врачей», это антисемитизм всенародный, который культивировался, который вообще мог вылиться черт-те во что, если бы он не умер. И, конечно, атмосфера напряженная, атмосфера сгущающаяся, черная, как черные тучи, это мы чувствовали и в школе, и вообще в том, что происходило кругом нас. Хотя юнцы были, особенно не анализировали это, но я помню отлично, что это было заметно, это чувство мрачности, мрака и совершенной неизвестности, что нас ждало.

00:10:50

Мы тогда к этому еще немножко вернемся позже. А тогда ведь ваша семья, я имею в виду Мессереров, она была очень облаканная, как понимаю, советской властью. Вот в 1936 году во МХАТе II был вечер, посвященный вашей семье. Вот что это такое, почему вдруг целая семья была так отмечена? И что это, как это всё было?

Ну это действительно было интересно для публики, то есть артистическая жизнь развивалась своим чередом, хотя и с разными перипетиями, такими как закрытие второго МХАТа, которое страшно ударило по Азарию Азарину, который создавал этот театр и играл там, и когда его закрыли, и потом арест отца, всё это, конечно, омрачало существование. И вместе с тем артистическая жизнь как-то каким-то образом развивалась. Суламифь Михайловна танцевала ведущие партии в Большом театре, Асаф Михайлович преподавал и сам танцевал, а вторая

сестра, мамы, Елизавета, играла в Ермоловском театре. В общем, как-то параллельно всем этим мрачным событиям существовала и такая жизнь. Каким-то образом это уживалось.

00:12:18

И вот этот вечер, расскажите, что это? Вдруг откуда возникло?

Вдруг, я не знаю, чья была инициатива это собрать вообще всю артистическую мощь семьи в один вечер. Был этот... Вы знаете, в каком это театре было? Это сейчас Молодежный театр, который рядом с Большим театром. Там предоставили сцену, и на ней выступили. Суламифь Михайловна танцевала, потом танцевала па-де-де с братом, с Асафом Михайловичем, Елизавета читала стихи, проецировались какие-то фрагменты из фильмов матери моей. То есть вечер был заполнен полностью с какими-то артистическими достижениями семьи.

00:13:11

А много было народу?

Да, битком, люди просто стояли, выпрашивали билеты, там охрана стояла, чтобы не прорвались лишние. Ну нет, интерес был огромный. Жалко, что это было только единожды. Один раз только это показали. Но это сохранились эти приглашения. Вечер семьи Мессерер. Наверное, не многие семьи способны на такой творческий вечер семейный.

00:13:43

А вот расскажите тогда про маму, кто она, кем... какое у нее было образование?

Мама была первой выпускницей ВГИКа. Училась у очень известных режиссеров, соседствовала с актерами, с такими как Марецкая. И, ну она про многих мне рассказывала, вообще про свою жизнь в кино. Хотя она была очень недолгая, эта жизнь. Но всё-таки она сумела сняться в двух или в трех фильмах, которые сохранились. Это не мои фильмы, черно-белые. К счастью, тогда снимали на очень хорошую пленку, которая не обсыпалась потом со временем, поэтому эти пленки сохранились в хорошем состоянии.

00:14:33

Вы помните название?

Одно из них — «Прокаженная», потом «Вторая жена» и такой комедийный фильм, «120 тысяч в год» почему-то он назывался. Он не получил особой известности этот фильм, но сохранился. А вот эти первые два фильма связаны с созданием новой студии, узбекской студии «Узбеккино». Это самый исток кинематографии в Узбекистане. И маму туда послали, поскольку был запрос на женскую роль. А в то время, конечно, женщинам сниматься в Узбекистане, в такой традиционной стране, запрещалось. Не просто сниматься, а просто пройти по улице с раскрытым лицом — это было невозможно. Мама часто рассказывала, что во время съемок, если ей приходилось выйти за пределы съемочной площадки, просто она должна была закрываться. Однажды просто выйдя с открытым лицом, она услышала крики, и вообще полетели в нее камни. То есть это было создание чего-то нового с нуля. Ей было страшно интересно это вообще начинать. Какое-то начинание с нуля всегда очень стимулирует. Мне в дальнейшем пришлось пережить это ощущение, ощущение первопроходца в какой-то новой области.

00:16:17

А до какого возраста она снималась и когда она познакомилась с вашим папой?

Она снималась, по-моему, до 1924 года. Я могу путать даты. Но во всяком случае она была уже замужем, когда она снималась. То есть Майя уже появилась как первенец. И даже Майя уже присутствовала на проекциях ее фильмов. С папой она познакомилась еще во ВГИКе. Причем сначала она познакомилась с Владимиром Плисецким, братом отца младшим, который тоже был студент ВГИКа. И в общем, там была такая интересная дружба. И это именно Владимир привел маму в семью, где она познакомилась с отцом, с Михаилом, который распорядился судьбой по-своему. Отбил у брата и женился. Замечательный, я его помню, Владимир Плисецкий, это особая статья, о которой можно очень долго разговаривать. Замечательный спортсмен, красавец, акробат, артист. Он уже тогда участвовал в такой группе, называлась «Трио Кастильо». Это одна партнерша и два партнера, которые один из них был одет в черное во всё, а другой в яркое парчовое. И всё было построено на таких подпорках, где артист в черном поднимал, выкидывал в воздух артистку, а тот ловил. Эффект был грандиозный, очень эффектный был номер, который создавался именно для Владимира Плисецкого.

00:18:23

Так я понимаю, что партнерша как будто летала в воздухе.

Да, да, да, совершенно непонятно было, как она взлетала, как она приземлялась. Что-то... В общем, странно, что это... Кстати, потом где-то это, я помню, когда первые годы я работал в Большом театре, мне пришлось похожее что-то делать в «Каменном цветке». Я был тоже в черном, и Хозяйка Медной горы спрыгивала со скалы, я ее должен был ловить. Что-то было похожее на это. Такое переплетение семейное.

00:18:59

А вот тогда про папу и вообще про вот эту семью, кто были со стороны отца?

Я никого их не знал. Ну только Владимира Плисецкого, который приезжал из Петербурга, он петербуржец. Я помню совсем маленьким, когда мы уже вернулись с мамой из ссылки, из Чимкента, приехали в Москву, жили в Щепкинском проезде, и он приезжал, видно, повидаться с мамой. И я помню, как мы с ним кидались подушками. Почему-то мне нравилось очень, как он ловко их ловил.

00:19:38

А папа?

А папу, конечно, я не могу помнить.

00:19:41

Нет, а кто он? Чем он занимался?

Он вообще был такой общественный деятель, инженер по образованию, но занимался тем, куда его посылали, где он был нужен. Он вообще был очень активен как руководитель. Ему доверялись посты руководства. И вот один из важнейших постов для него был, это когда его послали на Шпицберген. Там он был и начальник рудника, и одновременно дипломатическую роль исполнял как генеральный консул. Там приходилось заниматься тоже всем: и дипломатией, и инженерией, и строительством, и чем угодно. И он успешно, благодаря своему характеру активному такому и инициативному очень, он справлялся со всем блестяще.

00:20:39

В каком году отец родился?

В 1900-м.

00:20:42

Полное имя, отчество?

Михаил Эммануилович Плисецкий.

00:20:46

Михаил Эммануилович Плисецкий. Значит, к моменту ареста он был совсем молодым человеком?

Да, ну когда его расстреляли, ему было 37 лет.

00:20:57

Он был партийный?

Да, да, причем такой активный очень. И вообще выступал вполне... так сказать... как в свое время говорили, честный коммунист, подчеркивая слово честный.

00:21:16

А в вашем клане Мессереров партийные были?

Да, да. И Суламифь Михайловна, и Асаф Михайлович. Это у нас была просто практически обязанность, потому что посылали за границу, а посылать за границу — нужно было как-то гарантировать верность. Ну, это сплошь да рядом в Большом театре, да и в других организациях культивировалось. Мало кому удавалось увернуться от этого.

00:21:46

Вы были в партии?

Да, то же самое. Конечно, весь наш выпуск, когда мы пришли в Большой театр и предстояли поездки в Америку, то есть нас собирали, всё это. Единственное, чем я могу гордиться, что я практически ни на одном собрании не был. Но это невеликое достижение. Конечно, это была такая формальность абсолютная. Ну, форма как-то манипулировать нами.

00:22:17

А когда вот попросили вступить, у вас было какое-то вот...

Сопротивление?

00:22:23

Да.

Конечно, конечно, я даже советовался как-то дома, но все приняли. Ну, раз старшие уже сделали это, то есть это раз надо, и раз это единственная возможность дальше как-то продвигаться, ездить. То есть это было такое послабление, которое вспоминаю без удовольствия, ну что делать. Вот такое было время.

00:22:52

Вот отец перед арестом. Что вспоминала мама? Вот как это происходило? Расскажите, пожалуйста, вот эти вот перед арестом дни, может быть, недели.

Это были страшные дни для отца. И мама часто вспоминала, когда он возвращался, когда его изгнали из партии, когда он уже понимал, что арест неминуем, как он однажды пришел просто белый совершенно и лег на кушетку, глядя в потолок, и мама спросила: «Что случилось, конец света?» И он сказал: «Да». То есть он понимал неизбежность всего. Конечно, если бы он был один, без семьи, может быть, он мог бы уехать куда-то на какое-то время, скрыться из вида. Ну, испил до конца верность партии.

00:23:51

А вот этот вот арест, что рассказывала мама? Как это происходило? Что это было?

Ну, пришли за ним, сказали собираться, и отец был растерян, конечно, он сказал, говорил... Я вспомнил просто этот эпизод, когда мама собирала какой-то чемоданчик ему и, держа в руке галстук, спрашивала: «А галстук нужен?» Она вспоминала это. Такой трагикомичный момент. Галстук понадобился.

00:24:31

Он что-то сказал перед этим?

Он сказал матери: «Ну, ты не волнуйся, разберутся, меня отпустят, это скоро всё закончится». Как все говорили, как все верили в возможность возвращения. И действительно, некоторые возвращались, как старший брат Матаний.

00:24:51

Обыск был? Мама что-то рассказывала?

Да, да, был обыск, были понятые, была опись имущества, и какие-то грубости, конечно, которые...

00:25:07

А что это?

Ну, какая-то там бабка-дворничиха из понятых схватила какую-то шаль, намотала на себя, сказала, что «это мне пойдет».

00:25:19

Прямо во время ареста?

Чуть ли не во время ареста, да. Непонятно, то ли она хотела пошутить, то ли действительно. Доля шутки была. Кстати, многие какие-то предметы из конфискованных потом где-то появлялись каким-то образом, чуть ли не в комиссионных магазинах. Ну, часть всё-таки мама

успела передать сестре. То есть какие-то на память об отце. У меня многие были предметы из одежды. Лампа эта шахтерская, которую ему подарили на Шпицбергене, где было написано: «За большевистское руководство Михаилу Эммануиловичу Плисецкому от работников рудника». Это как памятный подарок, который я потом отвез на Шпицберген, в этот музей... музей Шпицбергена. Музей называется «Помор». Интересно, там целый стенд посвящен отцу.

00:26:28

Вот этот арест, да? Как-то готовились к аресту? Вот, например, у меня в семье жгли документы. Как-то вот так готовились?

Вот этого не помню. Этого момента, что что-то хотели скрыть, нет. Нет. Ну, единственное, что перевернули всё, перевернули вверх дном, это, конечно, во время обыска. Ну, очевидно, отец ничего не держал дома. И в этом домике в Гагаринском переулке не было особенно места.

00:27:04

Где на этот момент были ваши старшие братья, ваши старшие брат и старшая сестра?

Когда пришли за отцом? Майя и Алик были еще с нами. Но они спали. То есть Майя не помнит момент [ареста] отца. Каким-то образом там оказалась еще тетя Елизавета. Это она как раз мне рассказывала про этот платок с этой бабкой-понятой. А Алик еще маленький, шестилетний, совсем кроха был. Я еще не родился, да. Это 30 апреля было. Я через три месяца только появился.

00:28:03

То есть вы... Отец был арестован за три месяца?

Да, до моего рождения.

00:28:09

Что дальше происходило с отцом? Вот я так понимаю, вы же читали дело?

Ну, его допрашивали, его мучили, конечно. Вешали ему какие-то обвинения самые невероятные, что германский шпион, троцкистский активист. Черт-те что. Но мама верила, что он вернется. Она ходила наводила справки, когда у нее отказались принимать передачи, она тоже понимала, что что-то происходит ужасное. Вообще, исходя из того, что — это уже мое умозаключение, которое похоже на правду, — что все допросы отца, он при допросах отвергал всё, он не подписывал никаких признаний. Единственное, что вот когда я родился, я описываю это, что раздался звонок телефонный, и грубый голос говорит: «Ни о чем не спрашивайте, скажите, кто родился». Мама сказала: «Сын». И была прервана линия тут же. И очевидно, вот он... Это была цена того, что он начал подписывать все бумаги после этого.

00:29:44

То есть три месяца он не подписывал, да?

Больше даже. Ну да, в общем, где-то уже, я уж не помню, когда датировался этот телефонный разговор. А потом уже всё пошло гладко. И он был расстрелян 8 января уже 1938 года.

00:30:12

Там было видно, там были росписи какие-то, было что-то видно, вот его вот это вот отношение к происходящему?

Да, ну все отрицания были видны, понятно, что обвиняемый отрицает это. Он давал объяснения на какие-то знакомства, которые ему там приписывали. Кстати, одно из знакомств, как же его опять... Сейчас пытался вспомнить, один из секретарей Зиновьева, что ли, которого отец пытался спасти и взял с собой на Шпицберген, думая, что там не достанут. Когда того всё-таки вызвали оттуда и арестовали, очевидно, это было и тоже, что повлекло арест моего отца. Мама каким-то образом нас оберегала от всех этих перипетий. Ну, меня-то легко было оберегать.

00:31:17

А что она сказала о вашем брате... вашему брату и вашей сестре?

Ну, Майе она сказала, когда [та спросила], куда делся отец, она сказала, что его срочно вызвали на Шпицберген, поскольку Шпицберген существовал всё время в нашей семье, Майя охотно поверила. Она вообще доверчивая очень была. Брату особенно объяснять не нужно

было: вызвали на работе. Потом время проходило, как-то это всё, острота затухала.

00:31:52

Когда вы в первый раз узнали, что отец был расстрелян?

Уже после смерти Сталина, после этих реабилитаций, после справок. Сначала было одна или две справки, что отец умер в 1941 году от воспаления легких. Потом еще какая-то фиктивная совершенно справка. Только окончательная справка от военного прокурора, что он был расстрелян 8-го. Это уже был 1956 год.

00:32:28

А кто-то ведь проговорился из ваших близких?

Да, вы помните это. Да, это когда меня тетя, сестра отца, Елизавета, пригласила в Петербург. Я ездил туда, там тоже же свои трагедии были в семье. И вторая тетя, Елизавета, она проговорилась, потому что у нее мужа тоже арестовали. Илья его звали, Илюша. Она при мне сказала, что вот Илюша вернулся, а Миша нет. Я насторожился: о ком это речь была. И она так чуть ли не заткнула себе рот ладонью: «А что, ему никто не говорил?» То есть для меня он существовал как пропавший без вести. Как тогда таких было тысячи, если не миллионы.

00:33:31

Это был какой-то поворот у вас, вот это знание?

Да, да, конечно. Конечно. И протест, и поворот, и страх, и как это могло случиться? Но я повторяю, что за время моей учебы и детства я чувствовал только каким-то особым детским чутьем эту атмосферу, но я не знал никаких фактов.

00:34:01

Понятно. Вот произошел арест отца за три месяца, даже больше, до вашего рождения. А арест мамы — как это происходило?

Арест мамы был уже... То, что она рассказывала, что приходили ее арестовывать дважды. Первый раз пришла какая-то кагэбэшница, женщина, НКВД, за ней, даже без сопровождения. И увидела кормящую мать, вернулась она к себе в офис, написала докладную, что кормящая, поэтому не арестована. На что потом последовал этот грубый окрик: «Обязательно арестовать», — поскольку в это время вышел этот указ об аресте, организации всех этих ГУЛАГовских точек для жен, членов семей, как называлось, жен изменников родины. Вот после первого ареста, конечно, мама уже была готова, что придут второй раз. Уже подготавливала и семью, и всё это. Так это и случилось. Она послала Майю к тетке, брата к брату. Причем тетке она, к ней не могла послать домой, поскольку она танцевала. И она, мама, что-то ей дала: «Передай цветы тете». То есть сама тетя понимала, что это неминуемый арест, когда она увидела, что мамы нету на спектакле, а Майя одна пришла, да еще с цветами. То с ней чуть не припадок случился, но дотанцевала до конца спектакль. В общем, увезла Майю к себе домой. А брат, ну, такой, в общем, еще несмышлениш был, хотя шесть лет. Наоборот, ему, наверное, понравилось, что он поедет к своему двоюродному брату, к Борису Мессереру, с кем он прожил потом довольно долго в семье, как еще один брат.

00:36:45

Что было дальше? Вот привезли на Лубянку, я так понимаю. Что вот вам мама рассказывала?

Ну, привезли не на Лубянку, а сразу в Бутырку. И в эту башню круглую, где была огромная камера, где было много женщин с детьми, где посреди камеры стояла деревянная бадья, где купали детей. И там же стирали и пеленки, как она рассказывала, негде было даже их развесить. И эти женщины, они выстиранные пеленки сушили на голове, чтобы какая-то температура всё-таки была, чтобы те быстрее сохли.

00:37:39

Сколько там было примерно народу?

Она сказала, что было 60. Огромная вот эта круглая башня, она сохранилась, в Бутырке.

00:37:48

А соответственно, все были с детьми? Это было...

Ну, кто-то, нет, много было с детьми. Но еще тогда в этот момент не отбирали детей, а только сортировали заключенных. Но там недолго мы были в Бутырках, просто, я не знаю, месяц или, может быть, даже меньше.

00:38:13

А вот у вас есть воспоминания, где рассказываете, как маму поместили в бокс. В бокс, где она могла только стоять. Вот что она об этом рассказывала, помните вот этот эпизод?

Я не помню это.

00:38:27

У вас в книге есть, где она должна была в руке держать вас в боксе.

Ну там не такой бокс, не одиночка, просто там много было женщин, тесно.

00:38:39

Нет-нет-нет. Именно...

Отдельный бокс?

00:38:41

Отдельный бокс, в котором нельзя было...

Присесть?

00:38:43

Присесть.

Присесть, потому что много народа было. Просто невозможно было, они были втиснуты. Но это, наверное, в какой-то момент, когда их сортировали по камерам. Это не то, что был карцер с наказанием. Наказывать тогда еще не за что было.

00:39:06

Вот эта вот камера. А...

А камеру она описывала часто, мама, что это стоял такой пар, духота и огромная двухсотваттовая такая лампа над всем. И что она не гасла даже ночью. И что у меня была привычка, у маленького, закладывать вот так вот локоть на глаза. И спать таким образом. Кстати, она надолго сохранилась.

00:39:45

То есть вы эту привычку осознали где-то во взрослом возрасте?

Потом, да.

00:39:50

А мама вам рассказала?

Рассказала почему, да.

00:39:54

Да. Долго ли вы там, соответственно, находились?

В Бутырках недолго. Потом был... Рассортировали всех. Повезли, загрузили на Московскую окружную железную дорогу, где стояли составы этих теплушек для скота. И там были оборудованы эти нары такие, доски поперечные, где можно было сесть, лечь, в несколько ярусов.

00:40:29

Если еще раз вернуться, маму допрашивали?

Да, да.

00:40:33

Она рассказывала, как допрашивали?

Рассказывала. Даже есть какие-то бумаги, где она отрицает. Сказала, что следователь сказал, что «вы не могли не знать о деятельности отца». Она настаивала на том, что она ничего не знает, ничего не подписывала, никаких обвинений.

00:40:58

Но на нее, так понимаю, не давили, ее не били?

Нет, нет. Просто словесно издевались, конечно, и все грубости, которые могли сопровождать... Но про избиение она не говорила.

00:41:16

А как можно было в этом аду сохранить ребенка? Вот в камере. Чем вы... Где вы спали? Как вы питались?

Ну рядом, рядом с матерью, на тех же нарах. Там же и стирка была, там же все побочные ужасные моменты, когда у меня начались какие-то проблемы с желудком. Конечно, всё, что сопутствовало этим, тоже всё преодолевалось на месте. И стирка, и никакой гигиены. То есть о памперсах тогда еще не слышали.

00:42:01

Вот этот этап. Что мама рассказывала про этот вагон? Как вы ехали? Долго ли вы ехали?

Ну, во-первых, грузили в вагоны, но вагон сразу не пошел. Еще стояли на путях и комплектовали этот состав. И там в каком-то были уголовники, в каком-то политические. Как-то это всё... Политические — это, соответственно, мамы. Тогда были еще там дети. Не я один был. Ну и все старались как-то оберегать. Наверное, какие-то дети уже были отняты, но мама поскольку была кормящая, понимали, что отнять у нее и кормить невозможно. Поэтому оставили. В частности, мама часто говорила, что вот так мы спасали друг друга. То есть ее тоже не посылали на работу первое время, когда уже в ГУЛАГе были. Ну, конечно, очень тяжело, поскольку очень много народу было в вагоне, а окошечко наверху около крыши было чуть не единственное, то очень ей помогали другие заключенные класть меня поближе к окошечку к этому, чтобы дышать можно было. И кстати, через это окошечко она и выкинула это письмо.

00:43:34

Скажите про письмо, вот вообще, как это всё было?

Просто это кинематографический кадр. Ну во-первых, ей надо было как-то дать знать о себе. И ее уголовники эти, ушлые такие, они научили, давали такой квадратик бумажный, который назывался «для оправки». Он был достаточно жесткий, и, ну, конечно, писать было нечем. И тоже ее научили размачивать спички слюной и писать серой. И она таким образом вот написала такой треугольничек с адресом деда, где жила вся семья на Сретенке. Что «нас везут в Казахстан, Азарик со мной». Вот это, коротко, то, что она написала, сложила треугольничек, и вот она долго смотрела, чтобы кто-нибудь прошел там по путям. И она увидела там стоящих двух стрелочниц. И она, высунув эту бумажку, так помахала и старалась установить какой-то визуальный контакт с ними. И одна из них, стрелочниц, сразу отвернулась, а вторая задержала взгляд на маме. И мама выкинула этот треугольничек, который был подхвачен тут же ветром. И мама с ужасом увидела, что куда-то он не упал, а полетел куда-то, этот клочок бумаги. И увидела по глазам этой второй стрелочницы, что та проводила глазами эту летящую бумажку и кивнула. То есть это уже было послание. То есть она поняла, что... И действительно, она подняла эту бумажку и положила куда-то, поскольку эта бумага пришла. Тогда были эти фронтальные такие треугольнички, которые можно было без марки посылать. И вот это Михаилу Борисовичу Мессереру, что «Азарик со мной, нас везут в Казахстан». И благодаря этому тетка смогла как-то проследить возможность, куда, куда пошли составы эти. Ну, составы пошли туда, в Акмолинск.

00:46:11

Сохранилось это письмо?

Нет, к сожалению. Да, ну это было бы бесценно.

00:46:18

Одно то, что оно пришло.

Ну, то, что пришло, это чудо. Кстати, это было не единственное. Потом мы уже расспрашивали. Очень многие говорили: «Да что вы, эти пути были усыпаны такими бумажками». Конечно, многие пытались дать о себе знать таким образом.

00:46:35

А вы знаете, что очень многие помогали? Ведь огромное количество наших респондентов, которые ехали в лагерь, они тоже рассказывают об этих письмах, которые в конце концов доходили.

Чудо, чудо, конечно, что еще не потеряны честные люди.

00:46:54

Это ведь, скорее всего, говорит о том, что все понимали, да, кто едет?

Ну, конечно. И наказуемо это было, потому что если часовые видели, что кто-то приближался к составу, там окрики тут же были: «Отойти!» Поэтому, наверное, это только после того, как состав уходил, они подбирали. То есть это сразу. Но этот кивок многого стоил.

00:47:23

Вот вы добрались, дальше, что вот мама... А, еще один важный момент пропустила. Мама рассказывала, как ей вынесли приговор? Как это было вообще?

Да нет. Приговор был такой, он не индивидуальный, а это вообще знаменитый приказ о создании, о высылке членов семей. Кем он подписан был, я не помню уже. У вас, наверное, есть это. И создание этих лагерей. Мы попали в один из самых первых лагерей. Вот этот АЛЖИР. Акмолинский лагерь. Он просуществовал до 1941 года, по-моему, с 1937-го.

00:48:14

Что было дальше? Что мама рассказывает про вашу лагерную жизнь?

Лагерная жизнь — это уже было под Акмолинском. Что были страшные ветры, были жуткие условия, там и клопы, и что-то. Это же не были бараки такие профессиональные, как строили потом немцы в лагерях концентрационных. Это было поселение. Это были какие-то домишки, которые переоборудовали в бараки. Зарешеченные окна. Ну, они не были приспособлены для такого количества людей. Поэтому там это всё на ходу как-то образовывалось.

00:49:03

Вы были вместе с мамой?

Всё время. Всё время. И когда их гоняли на эти работы, то маму отпускали потом, чтобы она могла вернуться покормить меня. Это тоже было такой отдушиной для нее.

00:49:24

Чем занималась мама?

Ну там разное. Там что-то шили, что-то делали. Или просто их гоняли на это близлежащее озеро рубить тростник, которым они и наполняли матрасы, и обогревались им, потому что там не было... То есть как... вместо дров этот тростник тоже годился. Ну, делали вязанки очень тяжелые, тащили на себе в бараки. Вот это основное занятие было, в общем.

00:50:05

Это же вот новорожденный ребенок, маленький совсем, его надо купать, его надо вовремя кормить, его нельзя оставлять одного. Как вообще вот это вот, мама рассказывала, как вообще происходило, как вообще удалось сохранить, еще раз говорю?

Ну вот то, чем она и занималась, она и мыла, купала, кормила. И потом, очевидно, там были и другие дети. То есть их... кто-то там за ними присматривал, за этими кулками. Ну, потом,

когда я уже начал ходить там, это было легче. То есть не нужно было перетаскивать меня. Уже сам мог.

00:50:49

Расскажите о ваших первых словах.

Ну, тоже начал не только ходить, но и говорить там. Первые слова, которые мама мне рассказывала, что вот я смотрел так, говорил: «Какое касивое небо». Меня всегда привлекали облака движущиеся. И потом, когда выгоняли за зону, иногда разрешали брать с собой, очевидно, потому что очень мне это нравилось. И тоже одно из первых слов: «Хочу жа жону» — тоже не выговаривал, мама смешно так меня имитировала. Ну, там были другие женщины, которые тоже ей помогали, присматривали, замечательные женщины. Кстати, когда мы уже были в Москве, мама меня водила в гости, к сожалению, я не всех запомнил, но были какие-то очень красивые женщины, которые... Художница там была замечательная. Потом это врач Михельсон, которая меня лечила. Еще кто-то... Бабицкая, которая была киноактрисой, там были известные очень имена. И пока я был совсем грудной и не ходил, все старались меня поддержать. И очень смешно мама изображала, как я отпугивал женщин таким «у, у, у», чтобы не тискали зазря.

00:52:33

Вообще, на самом деле это страшненько, когда первые слова ребенка: «хочу за зону». Честно говоря, мороз по коже.

Ну, сформулировал правильно и сделал это темой своей жизни.

00:52:49

Здорово, очень здорово. Что делали близкие, что предпринимали для того, чтобы...

Ну, поскольку очень активная была тетя, она начала разыскивать, где эта точка, как проникнуть туда, и, в общем, добилась разрешения приехать. Она приехала с невероятными трудностями, чуть ли не семь суток на перекладных, и потом еще этот грузовик, который ходил от станции до лагеря. Нужно было попасть на него. Ну, это я тоже рассказывал с ее слов, как она ехала, как этот солдатик за рулем засыпал и как она его заменила. Там он хотел остановиться, она говорит: «Дальше, дальше я сама поведу». Одна из первых, которая получила права. Вот, ну, и первая...

00:53:54

Это Суламифь Михайловна, да?

Суламифь Михайловна, да.

00:53:56

А, это балерина же, да?

Да, да.

00:53:58

Она вела этот грузовик?

С орденом, знак почета. Конечно, это эффектно, наверное, было. Но она хотела меня забрать тогда, и тогда мама сказала, что ни в коем случае, потому что боялись вообще, что в детский дом меня заберут. То, что и практиковалось, и тогда уже с концами, потому что меняли фамилию, меняли имена. Так что очень этого опасалась тетя. Но вот с первого заезда она не смогла меня забрать, именно потому, что мама сказала, ни в коем случае, иначе это конец. И потом она второй раз уже, когда добилась через какое-то начальство, тоже это была такая перипетия, что Асаф Михайлович, он, как и многие артисты и танцовщики, актеры, они участвовали в деятельности ансамбля НКВД. Любимов, кстати, там был тоже. И Асаф Михайлович добился там свидания с каким-то начальником этим. Но сам не пошел, он был очень осторожный. Пошла всё-таки Суламифь Михайловна к этому начальнику. Изложила проблему, что вот грудной ребенок, сестра, и тот разрешил освобождение из лагеря, но без возвращения в Москву, только на поселение. Вот она приехала и забрала нас тоже с невероятными лишениями, трудностями. Негде было... Ну, она приехала, когда уже всё закрыто было, ей нужно было где-то найти ночевку, где-то она в какой-то каптерке там, при этом лагере спала. Говорит, ночью проснулась от шуршания, когда зажгла свет, увидела, что там клопы, просто целые стаи, ползли по простыням. Конечно, никакой... Но под утро, вот

когда она уже пришла на пропускной пункт и вывели маму, это уже был такой более счастливый момент. Во-первых, она рассказала, как, когда открыли ворота с колючей проволокой, мама меня спустила на землю, поскольку она... Я побежал, не зная еще, кто это, но понимая, а еще со слов мамы, что Мита приехала. И вот я побежал, и как все заключенные женщины рев устроили. Настолько это было... У всех же, у многих были дети. Вот так, чтобы один ребенок выбежал и, раскрыв ручки, побежал к незнакомой тете. Ну вот это тогда она нас забрала, и тоже не всё гладко было, потому что у нее был билет в спальный вагон, чтобы в Чимкент ехать, а заключенным не разрешалось это. Вот чтобы добиться, чтобы ехать всем вместе, ей тоже стоило большого труда. И вот приезд в Чимкент, это я уже помню, это уже было на моем сознании.

00:57:42

А вообще тогда — вот ваше первое воспоминание, можете...

Вот это первое воспоминание — это Чимкент. Это хатка маленькая, даже, я не знаю, курятник это был, или что, где мы с мамой поселились. Какое-то время мы там жили одни, потом приехала Майя, приехал Алик, брат. Кто их привез, я не помню, но Майю привез Александр Михайлович. Нодик которого мы звали. Майя не пишет об этом, но стоило вообще, потому что, конечно, такое путешествие, 13 лет ей было. Или 14 едва исполнилось. Вряд ли она могла бы одна доехать. Потом приезжал еще один брат, Эммануил. И вот я тоже помню, как он постучал в окошко, тоже какой-то глинобитной этой хатки. И мама сказала: «Нуля, а Эммануил, вот он пришел». Это Эммануил, который погиб в первые дни войны от бомбы. Потом как-то наладился как-то быт, Майя какое-то время была с нами, даже выступала в каких-то самодеятельных группках. И потом буквально... Ну сколько мы там, полтора года или два были в Чимкенте, надо подсчитать, кстати, когда наконец получили разрешение возвращения в Москву. Это был апрель, конец апреля.

00:59:28

Но это просто... Вы тоже не просто так получили возвращение в Москву из ссылки. Соответственно, это же кто-то опять...

Ну опять, это продолжала Суламифь Михайловна, да. То есть чтобы закрыли дело, чтобы выпустили. Это огромная работа была. И тоже это через каких-то начальников. Она не переставала хлопотать. И она устроила нам возвращение в Москву.

00:59:53

Я помню, что там не просто было. Там был тост Сталиным поднят за вашего дядю.

Да, но я не знаю, не поручусь... Ну, он участвовал в каком-то концерте, где была Лепешинская, которая со временем стала моей партнершей. И он... Ну, то, что Сталин сказал, что вот «ты вот стрекоза, а он...» Как-то его называл, орлик, орел. Что он там прыгал очень как орел. А насчет тоста, я думаю, что это легенда. Сомневаюсь, что...

01:00:38

Ну, я так понимаю, что всё равно вот это вот внимание Сталина, оно помогло как-то...

Да, да, безусловно. Безусловно, конечно.

01:00:45

Потому что на самом деле, когда вот я прочла ваши воспоминания, я поняла, что, наверное, таких случаев был один на миллион.

Ну, конечно.

01:00:57

Понимаете, то есть вот то, что...

До такого верха чтобы этот вопрос докатился. Это практически как до бога.

01:01:07

То, что вообще они решились на это, поскольку, как правило, то, что родственники репрессированы, это было в минус всей семье. От родственников, как правило, отказывались, забывали.

Разводились.

01:01:25

Да, старались как-то, да? А здесь семья не то что не отвернулась от вас, а...

Боролась, боролась. И спасала.

01:01:35

И спасла.

И спасла целую семью. Майя, Алик, я и мама. То, что не просто... Тюрьма, лагерь, лагерь, поселение, поселение, Москва. Вот это передвижение всё, это же всё шло через какие-то невероятные нервы, трудности и унижения. И то, что они добились, конечно, это только молиться на них можно.

01:02:04

Это просто удивительно.

Да.

01:02:07

Вот эти ваши воспоминания детские, они такие, связанные с Чимкентом. Помните, там у вас есть эпизод с Майей Михайловной, тазом?

А, да.

01:02:24

Расскажите его, пожалуйста.

Это когда Майя приехала. Ну, условия были ужасные, нужно было где-то мыться, где-то... И жара, как сейчас. И я помню этот таз, который мне казался просто бассейном. Вот я сравниваю воспоминания, какой, наверное, это... Наверное, обыкновенный. Но мне он показался невероятным, от берега до берега. И я сидел в этом тазу, наполненном водой. И Майя что-то играла со мной, плескалась и вдруг увидела на дне этого таза отколотую эмаль. И я помню это отлично. Она говорит: «Ой, Пушкин». И действительно было много рисунков Пушкина, есть, такого типа, черной тушью. Вот слово «Пушкин» я услышал от Майи. Кто такой Пушкин, я не мог знать. Ну, то, что она говорила: «Смотри, точно Пушкин». Ну, потом много с ней было, то, что она меня учила лезгинку танцевать, хлопала в ладоши, там прыгал. Ее присутствие меня всегда радовало. Она очень спонтанная была всегда, что-то выдумывала.

01:03:43

А вы были близки вот так вот по-человечески с братом и с сестрой?

Ну с братом больше, конечно, потому что играл, с сестрой меньше, поскольку разница всё-таки почти 12 лет. И у нее своя жизнь была. Но всё-таки в силу обстоятельств мы же жили вместе. Так что близки, конечно, были.

01:04:07

А вот этот эпизод с шаром, расскажите.

С елочной? Тоже, но это первые такие... горечь, горечь события. Это был Новый год, это уже, значит, мы в Чимкенте уже, ближе к зиме, стояла елка, маленькая елочка, и кто-то привез, может быть и Майя даже, привезла какие-то игрушки для елки. И вот я помню этот красный, вот такого цвета, как ваши брюки, шар. Тоже, опять же, надо брать поправку на возраст. Мне казался этот шар невероятным, огромным, и он меня притягивал, и я попросил поддержать его. Мне его сняли с елки, и вот момент, наверное, когда я его взял, вдруг шар исчез, а на полу оказались мелкие-мелкие осколки. Вот как этот шар, такая радость этого шара, и это осколки, это ужасно меня огорчило. Такие огорчения потом пришлось переживать не раз.

01:05:23

Я так понимаю, что это вот такие самые яркие детские воспоминания, да?

Ну, там воспоминания арыка этого, пыли, это я отлично как-то восстанавливаю в памяти.

Более того, я рассказывал вот в книжке, что я, чтобы отделить рассказы матери от собственных воспоминаний, я проверил себя, я нарисовал на листе бумаги расположение колодца, калитки, арыка, опоясывающего этот участок, и дом Исаака, и наш. И маму поразило, говорит: «Именно так». То есть она мне не могла это рассказать. Так что я помню этот арык, и эту дорожку, и вот эта зима, и когда мама уходила, и вот эта дорожка, которую засыпал снег, и который меня так напугал, что вот снег засыпет следы мамы и она не вернется. Страшно разрыдался, долго меня успокаивали. Наверное, часто мне приходилось плакать. Но вот то, что я помню, как безутешно плакал, что снег засыпал следы мамы. Тоже мы практически, сколько там, меньше двух лет были.

01:06:52

Ну для детства это огромный период.

И вот, наконец, когда получили известие, что мы можем вернуться в Москву, разрешение, это было замечательно. Это конец апреля, наверное, май. Я помню этот приезд, нас встречали на автомобиле. Я первый раз, наверное, на каком-то открытом автомобиле ехали. Заехали за Большой театр. Мне казался огромный этот дом, который оказался потом трехэтажным всего лишь. И вот эта беготня, летняя беготня вокруг этого дома, это я помню. И начало войны. Начало войны — это уже июнь. И первые воздушные тревоги, и первые наши выжидания в метро. И помню, как с Майей мы бежали, когда эти были сирены. Я не знаю, была ли действительно в этот момент бомбежка. Наверное, была, раз погиб дядя. И мы бежали от этого маленького дома за Большим театром на Охотный ряд в метро. Это тоже мне запомнилось, потому что Майя очень смеялась надо мной. Она говорит: «Ты боишься?» И были сирены. И я сказал: «Я не боюсь, но у меня бородачка трясется». И вот она потом часто цитировала, что от страха тряслась бородачка.

01:08:38

Вы понимали, что что-то происходит?

Да, конечно. Конечно. Были, тревога. И у нас был такой раскладной брезентовый стульчик. Мы по очереди на нем сидели там в метро, потому что туча народа была. Те, кто раньше приходил, сидели в вагонах на сиденьях. А так приходилось на полу или на стульчике на этом.

01:09:01

Если можно, еще упустила одну вещь, связанную со ссылкой. Чем мама занималась в ссылке? Что она делала?

Где-то там какой-то был самодеятельный коллектив при Доме пионеров, по-моему. Она там делала какие-то танцы. Кстати, Майино появление там тоже я помню, как мы... Эта раковина Дома пионеров такая, и мы сидели, и Майя там что-то... Какой-то матросский танец танцевала, который мама поставила. Да, ей пригодились какие-то познания в хореографии, маме. Так что она там активно участвовала. И еще запомнилась мне пианистка, которая аккомпанировала. Такая эффектная дама с таким тоненьким горбатым носом. Почему-то я ее ассоциировал с матерью Бориса Мессерера, с Анель Судакевич. Когда я видел этот красивый такой стильный нос, мне казалось, что это та же самая пианистка, которая была в Чимкенте. Долго мне казалось, что это та же самая дама.

01:10:21

Но у вашей мамы не было же хореографического специального образования?

Нет, нет. Но у них был танец, классы во ВГИКе. Но потом танец ее окружал без конца — и сестра, и дочь занималась, и все кругом, и близость Большого театра. Так что она ориентировалась хорошо в танце.

01:10:43

То есть это помогло сильно выжить?

Конечно, конечно. Ну всё-таки это какое-то положение уже, статус.

01:10:53

Вот, значит, война, да? Вы же поехали в [нрзб]... Нет, расскажите, пожалуйста, про гибель, если возможно. Потому что это тоже такая большая... Ну, не то что редкость, очень мало воспоминаний слышала, как от бомбежек гибли в Москве. А Москву бомбили. Вот если возможно...

Да. Вот одна из первых бомбежек Москвы, когда, ну, во-первых, были учебные тревоги, когда все бежали там на крышу, когда стояли ящики с песком, щипцы. И это была обязанность всех жильцов — ПВО, противовоздушная оборона. И вот это я помню, когда были сирены, когда кто-то бежал в бомбоубежище, кто-то поднимался на крышу, на дежурство. Аэростаты эти, помню, заграждения воздушного. Мне очень нравились они. Как их разматывали, и они уходили невероятно высоко и становились крохотными там. И вот однажды вот эта вот гибель моего дяди, брата мамы, который тоже побежал на крышу дежурить. Но в этот дом попала не зажигалка, а фугаска, которая расколола дом пополам, и он там погиб. Это еще при нас было. А потом мы уехали в эвакуацию. Это тоже тетя помогла. Тогда Большой театр, вся балетная труппа вынуждена была эвакуироваться. Да не вся, какая-то часть всё-таки оставалась для обслуживания фронта, какие-то бригады. Но большая часть поехала, должна была бы эвакуироваться в Свердловск. В какой-то в последний момент переиграли и послали труппу в Куйбышев. И тогда таким образом мы оказались разделены. Вот Суламифь Михайловна и Асаф Михайлович, они поехали вместе с труппой в Куйбышев. А мы, поскольку предполагалось, что Свердловск будет, нас послали в Свердловск. Ну и Свердловск я отлично уже помню. И двор, и дом, и даже эта семья, которая нам предоставила одну комнату, их звали Падучевы. И вот в этой крохотной квартирке мы уместились все: и мама, брат, Майя, когда приезжала, занималась там в театре. Это я помню. Тоже это сравнительно недолго. Это был 1941-й, 1942-й и в 1943-м мы уже, когда немцев отогнали от Москвы, уже перешли в наступление, уже фронт покотился на запад, мы вернулись в Большой театр. Майя, Майя уже выпустилась тогда, уже танцевала.

01:14:13

Тяжело было выжить в эвакуации? Я так понимаю, что, в общем-то, и еды было мало, и...

Ну, всякое бывало. Бывало, что и перепадало по хорошему куску масла. А бывало, что приходилось распределять маленькую буханку на всех. И я помню, как дали мне кусочек, Алику, и мама что-то. А мама ушла в это время на дежурство. Она работала в регистратуре в поликлинике. И как я бегал по двору, и когда привезли... Этот эпизод, я описываю, потому что это была травма моей жизни, когда на подводе такой с запряженной лошастью привезли уголь для котельной. Разгрузили этот уголь, и возчик, видя нас, мальчишек, говорит: «Ну, кто принесет кусочек хлеба, я прокачу». И, поскольку я свой уже съел, я побежал домой и у Алика попросил его кусочек. Он мне отдал, думая, что я голодный. А я отдал это возчику, перепачкался, весь в угле был, зато проехался вокруг дома на этих санях. И потом только осознал, что у Алика не осталось хлеба. Я так себя корил страшно, такая травма была у меня. Надолго осталось какое-то чувство вины перед братом.

01:15:59

Сколько вам тогда было лет?

Ну, уже пять лет всё-таки. Да.

01:16:06

То есть вы осознавали, что он голодный?

Да, что он мог остаться... Наверное, я усугублял это своим воображением. Но то, что я виноват, что я съел кусочек хлеба, который предназначался не мне, меня травмировало сильно.

01:16:27

А эпизод с молоком, это было в эвакуации?

Какой?

01:16:30

Эпизод, где ваша мама застряла ногой в грязи на рынке.

А, да, но это не при мне было, это она рассказывала.

01:16:40

Расскажите, что?..

Ну, что она на рынке поменяла что-то, что-то у нее было там, кусочек материи какой-нибудь, я не знаю точно, но то, что она хлюпала в этих ботах с этим бидоном, с крынкой молока, и как у нее застряла одна нога, и она пыталась вытащить, вытащила ее, но этот галоша или ботик

остался в грязи. К тому же она пролила молоко. Это было отчаянное... Ну, таких эпизодов, наверное, много было.

01:17:17

Ну то есть молоко было дороже, чем обувь.

Ну, конечно, только чтобы спасти молоко, она оставила этот ботик в грязи. Ну, сколько она пережила, мама, сейчас только можно оценить в воспоминаниях, как она нас защищала от всего.

01:17:40

У вас там очень здорово описано, как Майя Михайловна девочкой возвращалась в Москву, хотя не имела права вернуться. Вот расскажите, как это вообще?

Ну, это тоже с рассказов. Я сам не был свидетелем. Но мама рассказывала, что Майя решила вернуться и, поскольку всё-таки ей уже, ну сколько было, 17 почти, она понимала, что если она останется, то она останется и без работы, и без экзаменов, а ей нужно было вернуться к экзаменам, к выпускным. Они были формальные, но всё-таки это как-то соблюдалось. И вот она поехала, и там патруль, всё это проверялась на перроне, с кем ты проходишь в вагоны, и всё, и как она там взяла под руку какого-то взрослого мужчину и сказала, что «я с вами пройду». То есть она пробиравась на свой страх и риск в Москву. Москва — это нужно было специальный пропуск. Ну вот такими усилиями она всё-таки вернулась, и тетя ее встретила, и состоялись экзамены. Но тогда старшие школьники уже участвовали в спектаклях, поскольку не хватало артистов. Таким образом Майя попала сразу. Ну и заметили, что она очень способная. Уже стали давать ей какие-то более важные роли. Таким образом ее жизнь профессиональная началась очень рано.

01:19:27

Вот там есть еще такой эпизод, когда был заминирован Большой, а Суламифь Михайловна и Майя Михайловна...

Да, репетировали там.

01:19:37

Да, расскажите вот это вот.

Я не могу это рассказывать, потому что это уже рассказано, во-первых. Мой будет пересказ, и я, так сказать, скептически к этому отношусь.

01:19:49

Да? Вы не верите, что это было, да?

Возможно, нет, возможно, потому что легенды очень быстро нарастают на события и потом трудно отделить это. И я... Ну и еще участвовать в легенде, которую я не знаю, я всё-таки воздержусь. Ну, наверное, что-то было. То, что Суламифь Михайловна делала чудеса, в это я верю, как чудеса. И то, что она вводила Майю репетировать там. А то, что заминировано, наверное, это существовало, потому что заминированы многие были здания, готовые к уничтожению.

01:20:32

Я так понимаю, что они собирались «Лебедя умирающего» репетировать?

Ну, наверное, что-нибудь, и «Лебедя» в том числе.

01:20:41

Потому что «Лебедя», я так понимаю, Суламифь Михайловна ставила, да?

Ну, она, да, показывала это. Это не ее постановка была, это Фокина. Но по Фокину она как-то передавала это Майе. Ну, и потом Майя сама импровизировала много. Так что такое тоже было. Кстати, у меня есть справка, вот ее я сохранил каким-то образом, что Майя Михайловна Плисецкая направляется в действующую армию на концерты. То есть это был 1942-й, наверное, год 1941-й, 1942-й. И она участвовала в бригадах фронтовых. То есть это уже документ.

01:21:28

А вот вы вернулись в Москву, где поселились?

Вот за Большим театром. Это трехэтажное здание. Как... Не Филипп... вдруг забыл. Это принадлежало купцу, владельцу ЦУМа. И там было общежитие. Нас поселили. У Суламифы Михайловны там была комната, две комнаты. Маленькая 12... десятиметровая. И одна большая, где она жила. Вот в маленькую мы, она нас поселила. Маму, Майю, меня, Алика. И мало того, там еще почему-то рояль стоял.

01:22:18

Как вы туда все помещались?

Я под роялем спал. Ну, первое [время]. Потом как-то образовалось это. Но привезла она к себе домой. Тоже подвиг — вот так стеснить себя приехавшей семьей.

01:22:35

А вот вы коммуналку описываете. Это вот как раз она?

Да, это коммуналка. Это Воронья Слободка наша.

01:22:42

Сколько там еще было?

Там, я что-то считал, 27 человек там было. А сколько комнат? Что-то шесть, по-моему, шесть или семь. Боровская, Челнокова, Черкасская, Гусев. Да, семь комнат.

01:23:04

А Черкасскую Нина Борисовна звали?

Да. Откуда вы знаете?

01:23:08

А я у нее занималась как-то в детстве. Она как-то приятельствовала с моей мамой. Вот.

Вот и замкнулся круг.

01:23:16

Да, вот, и я у нее занималась.

Нина Борисовна, да. Нина Борисовна... У нее маленькая комната была. И она была замужем за военным таким — Бердичевский, дядя Вася. Такой горький пьяница был. И я их описываю тоже, как там он устроил пожар, а я воспользовался этим и потушил огнетушителем. И был огромный кот Путик еще, который устраивал тоже дебоши. Вот эта семья. То есть этот коридор длинный. Я там на велосипеде катался. Ну, разные люди там были, с которыми можно было ужиться и которые были невыносимые. И скандалы кухонные были. Драки за конфорку на плите.

01:24:15

То есть это вот такой, в общем, творческий, творческая коммуналка. И всё равно были...

Всё равно то же самое было. Да, да. Стоял какой-то, ледник назывался. Это вроде холодильника, но там не было ни моторов, ничего. Там загружали лед в одну секцию, а в другой можно было пользоваться как холодильником. Но льда не было. И вместо этого там лежали противогазы, которые мы тоже оприходовали, ребята. Одевали их.

01:24:51

Да? А ваше увлечение авиамоделированием?

А, это вот как раз вторая комната от входа. Там были не артисты, а был такой Челноков жил. И сын этого Челнокова занимался авиамоделизмом во Дворце пионеров. И это он меня заразил. Я туда пошел. Страшно увлекся этим. Просто тряся, как мне нравились эти летающие модели. И как потом я познакомился благодаря им с Александром Сергеевичем Яковлевым. Который приходил к Файеру напротив. И когда он однажды привез с завода, привез мне бензиновый моторчик для модели. И как мы его запускали ночью, вызвав страшное негодование соседей.

Ну это всё эпизоды такой общественной жизни. Конечно, один туалет, одна ванна, драки на кухне, это всё такие были... Но были и позитивные моменты: когда какая-то нужда в чем-то была, всегда можно было обратиться к соседу, если не хватало соли, или сахара, или чего-то. Так что, в общем, как-то существовали. Потом Майе дали, Суламифь Михайловне дали квартиру. Эта комната перешла Майе, а потом мы отдали эти комнаты, когда Юрий Федорович Файер переехал еще в новый дом, а его квартиру дали нам, там же, только через площадку. И там довольно долго мы жили, до моего выпуска из школы. И даже когда я уже уехал на Кубу, я возвращался туда еще.

01:26:59

Сначала чем вы хотели, вернее не хотели, а вот родители как вас... определили занятие ваше будущее? Вот это же был не балет сначала?

Нет. Ну вот когда мы вернулись из эвакуации, это 1943 год, в 1944-м я еще не учился. А в конце, по-моему, 1944-го были экзамены в музыкальную школу, в ЦМШ. И меня отвели туда. И приняли на класс фортепиано, поскольку у нас дома стоял рояль и я мог заниматься. Меня приняли довольно легко, без всякого блата.

01:27:39

У вас абсолютный слух?

У меня хороший слух. Я не знаю, он абсолютный или нет, но по крайней мере легко различаю ноты. И могу спеть точно. У Майи очень хороший слух тоже. И там я проучился довольно долго. 1945-й, 1946-й, 1947-й... Почти три года. С замечательными ребятами, с которыми я долго общался потом. Из них единственный, кто остался, это Володя Ашкенази. Это всё жите за Большим театром. Дом Хомякова, я вспомнил.

01:28:30

День Победы вы помните?

Отлично помню. Даже еще до Дня Победы помню первые салюты, которые были из четверенных пулеметов трассирующими пулями. Стреляли в воздух, и эти квадратики такие летели в воздух. Невероятные. Очень похоже на то, что сейчас в Токио делается. Вот эти дроны летают, делают фигуры. Тогда это были боевые патроны. Ну и День Победы, когда Победа, и все стали возвращаться. И мой товарищ, Толька Ожерельев, кричал: «Папа вернулся!» И папа вернулся с двумя трофейными велосипедами. Это было очень много, поскольку велосипед — это была драгоценность. Моя мечта была. Больше даже, чем автомобиль.

01:29:31

Расскажите, вот это возвращение отцов, оно дало вам какую-то надежду, что, может быть, и ваш отец?

Да, конечно. Конечно. Когда я увидел, что там дядя Коля вернулся, отец Тольки, я подумал, что, наверное, и мой вернется, поскольку пропал без вести. Всё время спрашивал. Но как-то это уже затухло. Затихало это желание увидеть. Это уже превратилось в абстракцию.

01:30:09

А вообще много было детей без отцов?

Я не помню. Были много мальчишек. Были ли у них отцы или нет... Мальчишек всех помню дворовых. Но так или иначе они были связаны. Там был Петрянчиков, чей отец был осветителем в Большом театре. Кто-то был вахтером. Дядя Коля, который вернулся, был шофером в Большом театре. То есть это было при Большом театре целое хозяйство. И мальчишки, среди которых я рос. Но потом у меня появились новые знакомые, уже когда была музыкальная школа. Потом уже Большой театр, школа.

01:30:54

Расскажите об этом вашем желании всё-таки стать артистом балета. Вот это же вот... Ну просто расскажите, почему это возникло?

Ну, во-первых, даже когда еще в школе я какие-то куски из «Щелкунчика» там разучивал, и потом, когда меня водили в Большой театр на спектакли, мне так нравилось это — участвовать на сцене. Ну и влияние брата, конечно, который возвращался из училища, полный событий всяких. Показывал какие-то движения. Учил меня делать пируэты. И я уже был вовлечен подсознательно в эту жизнь. Поэтому я расстался с музыкальной школой без трагедии. Хотя у

меня там довольно хорошие успехи были поначалу. Но всё равно: балет, балет, балет вокруг всего этого. Поэтому я настоял на переводе. Ну и, конечно, все разочарования первых лет, когда нужно было тянуть подъем, которого нету, и перегибы, и всё это. Я повторяю, данные для балета у меня были не идеальные. Но старался, тянулся за всеми. А потом уже, когда начало что-то получаться, уже вошел во вкус.

01:32:28

А у вашего брата старшего было больше данных?

Да нет, такой же, наверное, был всё-таки. Ну и он, поскольку он побеждал все трудности, то и я за ним тянулся. Он всё-таки стал солистом Большого театра.

01:32:44

Когда у вас такой реально уже в училище появился интерес к...

Ну когда нас стали занимать в спектаклях, когда нас гримировали, когда мы выскакивали на сцену в разных ипостасях, то чертиками в черевичках, то солдатыками в... солдатыками в «Щелкунчике», или мы тащили длинную бороду Черномора в «Руслане и Людмиле». Всё это интересно было, в «Раймонде». Видели знаменитых танцовщиков, потом старались их имитировать. Походы в Большой театр. А тогда много школу занимали в спектаклях, сейчас значительно меньше.

01:33:30

Вы там очень здорово описываете, как у вас шла карьера от трубача к мышам. Расскажите немножко. Ведь на самом деле очень редко люди понимают. Головокружительный взлет.

Ну действительно, потому что «Щелкунчик», спектакль «Щелкунчик», он существовал всегда как эталон для всех танцовщиков. И все проходили через «Щелкунчика». Ну, первый год когда был, меня поставили на башню трубачом, когда Щелкунчик объявляет войну мышам, я трубил там, рядом стреляла пушка, выстреливала пудрой. Это было увлекательно, и прожектор на тебя, и ответственность, что ты один стоишь на башне. Но поскольку потом уже более трудные хореографически были мыши, нужно было там бегать мелкими шажками, маленькими мышатами. Потом, пока мы росли, нас переводили уже в крысы. А из крыс уже дорога шла к вальсу, к вальсу цветов, где уже были поддержки с партнершей. Ну и выпускался я уже принцем. Танцевал. У меня были разные партнерши. Наташа Позднякова была замечательная. Светлана Крючкова. И в общем, вот так добился того, что выпустился из школы. Я описываю то, что переход в Большой театр был довольно омрачен вот этой выходкой какого-то чиновника, который запретил меня брать в Большой театр.

01:35:21

Расскажите немножко, вот это такая необычная и травмирующая, я так понимаю...

Да, нас распределяли, потом после госэкзаменов давали направление. Это был 1956 год, выпуск. Я получил диплом с хорошими оценками. Получил направление один из пяти или шести танцовщиков, которые окончили со мной школу. И вот когда нам сказали: «Вы придете в августе, 26 августа, на сбор труппы». Мы все собрались около подъезда Большого театра, и нас стали пропускать через подъезд по списку. Никаких пропусков не было. И когда я дошел до своей очереди, сказал: «Плисецкий», посмотрели: «А в списке вас нет». — «Как?» — «Вот нет». Ну и все прошли мои соученики, пошли работать, а я остался на улице. Это был период, когда у Майи были гонения, все неприятности, которые на мне отражались. Это тяжелый был момент, первый такой тяжелый удар. И, кстати, первая моя реакция — не идти домой, потому что мама расстроится. И я пошел домой к Матанию Михайловичу, к дяде, как самому мудрому. И рассказал ему это. Он тут же понял ситуацию, сказал: «Надо бороться». Ну вот, я довольно долго боролся, обивал пороги министерств и всяких чинушей, которые отговаривали меня идти в Большой театр. Говорили: «Вот у вас другая дорога, может быть, в Станиславского». Но я всё-таки настаивал, пока не добился восстановления своих прав. Меня взяли, и вот с 1957 года я в Большом театре.

01:37:34

1956 год, когда XX съезд, что-то стало меняться? Вот что вы чувствовали...

Да, конечно, конечно. Я чувствовал, что я еще могу защищаться до пятидесят... Это никакой... Я был беззащитный. А тут я мог пойти в министерство, требовать что-то. Так что, конечно, атмосфера изменилась. Ну потом мы стали получать свидетельства о реабилитации. Даже мне

назначили пенсию какую-то. Я до сих пор пользуюсь привилегиями репрессированного.

01:38:21

Вот это знание о том, что отца расстреляли, как оно вас изменило качественно? И стали ли вы с кем-то из близких обсуждать вообще историю отца? Разговаривали вы?

Ну дома мы разговаривали, конечно. И то, что мама рассказывала, и то, что восстанавливала в памяти все те события. Конечно, меня это потрясало и возмущало несправедливостью, наглостью, беззастенчивостью этой власти, которая могла творить что угодно, беззаконие. Всё это возмущало и продолжает возмущать. Когда я думаю о том, что сейчас в наши дни столько идиотов, которые восхваляют ту эпоху. Которые... Они тоже, эти идиоты, которые не виноваты, потому что их не заставили, не привели к покаянию. То, что не было такого общественного, повсеместного покаяния к этой эпохе, — это самая большая наша ошибка, я думаю, и самое обидное, что осталось от этой чудовищной эпохи — культ и личности, и беззакония, и жестокости к своему народу — никто не покаялся. Ну дали... Даже мы воспользовались какими-то привилегиями репрессированных, но это не всенародное покаяние. Поэтому целая плеяда людей, которые родились после этого и не знали настоящих ужасов ГУЛАГа, репрессий, они же продолжают жить какими-то иллюзиями, что вот при Сталине вот такого не было. Даже на автомобилях какие-то наклейки появились, «При Сталине такого не было». А что было, об этом не говорят. Сколько трагедий, сколько жертв, не только политических, но и военных, и каких угодно из-за этого чудовищного культа.

01:40:52

Нам нужен наш Нюрнберг?

В свое время он был необходим абсолютно, а сейчас, я боюсь, что это уже не произведет нужного впечатления. Уже... Уже прошло. Конечно, хорошо бы, если бы это было. Но сейчас слишком большое будет сопротивление вот этих идиотов, которые принимают это как должное. Этот культ, это издевательство, этот геноцид своего народа, который сам себя губил. Это обидно. Обидно. А Нюрнберг и всенародное покаяние должно было бы состояться, но очень боюсь, что сейчас это уже... Сейчас трудно говорить, даже спорить с людьми, когда что-то рассказываешь, что-то доказываешь свое, тебе тут же наговорят столько аргументов, что «а вот сейчас, а это, а это». И за всем этим, за болтовней пропадает весь ужас эпохи.

01:42:12

Азарий Михайлович, а вот по-вашему, то, что сейчас у нас в стране... Вы же не живете в России сейчас постоянно?

Ну, в общем, почти постоянно. Я часто приезжаю, меня приглашают в театр на мастер-классы. Я посещаю спектакли, общаюсь со своими коллегами. То есть я не отрываюсь, в общем, от жизни.

01:42:38

А вы смотрите российское телевидение?

Конечно, конечно.

01:42:43

Прямо первую программу смотрите?

Да нет, ну когда новости, Олимпийские игры, я с удовольствием смотрю.

01:42:49

А откуда вообще черпаете, скажем так, информацию о том, как живет Россия в сегодняшнем дне?

Ну, благодаря тому, что я всё-таки и другими языками владею, я стараюсь быть объективным, в разных... Любая информация для меня открыта. Это тоже плюс нашего времени, что не нужно прислушиваться к приемнику через треск.

01:43:20

А вы слушали?..

Конечно, конечно.

01:43:22

А что у вас было, как было?

Ну, во-первых, старались всегда привезти какой-нибудь аппарат, где были коротковолновые приемники. Потом там вешали антенну, чтобы получше прием был. Как-то когда... Но всё равно глушилки вызывали негодование. Ну, а сейчас... Всё это, мы прошли через это.

01:43:51

А что именно?

Я не знаю, какие были такие интересные. «Немецкая волна» [признана в России иностранным агентом в России — прим. Ред.] была, «Голос Америки» [признан в России иностранным агентом в России — прим. Ред.] интересный был, интересный был. Корреспонденты какие-то интересные выступали. Всегда было интересно послушать такую, другую информацию, не то, чем нас пичкали здесь.

01:44:13

Вы помните, как вы первый раз поехали за границу? Ведь это же была такая огромная привилегия артистов балета.

Конечно, конечно. Это была большая приманка для профессии.

01:44:28

А вы уже тогда были в партии, когда вот первый раз поехали?

Нет, нет. Китай. Самый первый, когда мы пришли в театр, наша группа, была поездка в Китай. Китай, это десятилетие было революции китайской. Это было очень интересно. Но это практически не граница была.

01:44:51

А это вы тогда с Мао встречались? Или уже когда...

Нет, нет. Это много лет спустя. Это уже когда с кубинцами. А здесь с Мао... Нет, партия — это была перед Америкой. Уже когда уже готовились. Но до этого я успел съездить еще в Турцию, в Болгарию. Какие-то были поездки такие, уже близкие к капстране. Ну а потом уже подготовка к Америке. Ну там уже прочистили нас всерьез.

01:45:26

А это как?

Ну, всякие инфо... Ну для этого надо завести Высоцкого так. «Я инструктора послушал, что там можно, а что нельзя».

01:45:37

То есть это прям была такая... Просто люди, которые сейчас представляют себе Советский Союз...

Ну да. Надо Высоцкого слушать. Всё один к одному. Не помните это?

01:45:51

Я, конечно, слышала, но только вот сейчас я не могу...

«Я вчера закончил ковку. И два плана залудил. И в загранкомандировку от завода угодил. Копоть, сажу смыл под душем. Съел холодного язя. И инструктора послушал, что там можно, а что нельзя». И вот это вот, что там можно, а что нельзя, это нам вдальбивали очень серьезно. Пугали чем угодно.

01:46:19

Прям пугали?

Ну, так сказать, настораживали, я бы сказал. Ну, то, что нам нужно было группой ходить, не по одному. То, что нужно было слушаться сопровождающих.

01:46:35

А кто вас сопровождал?

Ну, поименно?

01:46:37

Нет, нет, нет, сотрудники?

Ну всегда сотрудники КГБ обязательно. Это были такие играющие тренеры. Ну, мы знали о них, они руководили, что «будьте осторожны, с этими не общайтесь, туда не ходите».

01:47:04

Меня поразило вот ваше описание о том, что когда вы приехали в Америку, вы думали, что «может быть, я в последний раз в Америке». То есть это так удивительно? Вот сейчас... Расскажите вообще об этом чувстве человека, который живет в Советском Союзе и выезжает за границу. Что каждый раз... Уже пора, да?

Да, ну ничего, ничего.

01:47:26

Скажите, сколько у нас еще есть времени? Чтобы я рассчитала.

Ну, я вообще в половине второго должен был быть там около Большого театра, поликлиники.

01:47:38

Мы вас отвезем. На такси, да.

Ну, скажите, что вам интересно еще.

01:47:44

Да я еще хотела вот про, соответственно, вот это вот ощущение человека, который живет...

Нет, ну то, что мы каждый раз, когда выезжали, могли думать, что это в последний раз, потому что любой инцидент, например любой донос или кто-то настучал, что ты сделал что-то не то, это всегда могло быть сигналом к тому, что тебе закрывали выезд. Как Майю мучили с выездом, так и отражалось и на нас, и на мне особенно, и на брате. Когда мы должны... Брат должен был ехать с Большим театром в Лондон, и вот случилось это с Майей. Его сняли с поездки, вот могли снять накануне. Вот завтра выезжать, а сегодня говорят: «Нет, вас не пустят». Так, как мне сделали на подъезде в Большой театр: «А вас в списках нету». Вот эта вот ненадежность, она сопровождала нас повсюду.

01:48:51

За что Майя Михайловна была гонима?

За то, что она не следовала всем инструкциям поведения. То, что ей нравилось ходить на приемы на какие-то, на которые ее приглашали, иногда в каких-то посольствах, там, к годовщинам. Что она не докладывала об этом, что она вела, так сказать, свободный образ жизни. Ну, конечно, ей всё это ставилось в вину. На нее были пачки доносов. И как реакция — на мне это отражалось, то же самое. Поэтому когда, ну, первый раз поехали... Майя ездила в Америку еще до этой поездки, про которую я говорю, и уже тогда было послабление, уже было, во-первых, ее выпустили, во-вторых, она уже могла общаться и даже с нашими кузенами, которые там жили. Ну, это уже совсем другая ситуация была. И даже когда мы поехали уже в 1962 году, ситуация была совсем... значительно более свободная. И даже сопровождающие нас, даже если они знали, что мы с кем-то общаемся, что это уже не было таким наказуемым. Хотя, конечно, боялись всё равно. Еще не прошел страх. Но всё равно всё-таки это было уже после 1958 года.

01:50:32

Можно было вообще в России... не в России, в Советском Союзе, оставаться свободным человеком, вот так как пыталась себя вести Майя Михайловна?

Можно было оставаться, но это было наказуемо. Конечно.

01:50:49

Столько наших артистов балета оставалось. У вас были вообще мысли... Ну, понятно,

что вы там работали за границей в основном, да, долгое время. У вас были мысли остаться?

Ну, конечно, были. Конечно, интересно было посмотреть, но всегда эти мысли заглушались ответственностью перед семьей, перед нашим статусом совсем другим.

01:51:15

То есть вы не могли остаться?

Нет. Так вот, как сделал и Рудик там, Миша, нет. Для этого нужно было быть одному совершенно и отвечать только за себя. Но мое решение принять приглашение на Кубу было частично таким способом остаться. Хотя бы легально. Но я ни секунды не жалею, что я согласился.

01:51:43

Сколько вы в общей сложности на Кубе проработали?

Десять лет.

01:51:47

Десять лет. Вы были партнером?..

Алисии Алонсо, которая недавно умерла. Когда я собирался ехать, мне говорили: «Ты будешь танцевать с Алисией Алонсо, она же старая». А ей тогда 40 лет было всего, а мне 25. Нет, нет. Это целая эпоха, которая ворвалась в мою жизнь всерьез и надолго.

01:52:13

Я так понимаю, что вы, в общем-то, стояли у истока формирования кубинского балета.

Да, да, да. Но это вот когда я сказал, что как интересно начинать что-то с нуля. То есть там практически не было мужского танца. Были хорошие балерины. Алисия Алонсо была. Были четыре солистки довольно крепкие, по тем понятиям. И вот им не с кем было танцевать, потому что иностранные танцовщики, которые до этого работали на Кубе, до революции кубинской, они работали за доллары. Когда перестали платить долларами, они разъехались. Поэтому Куба обратилась в наше министерство, Большой театр. И были рекомендации разным танцовщикам, но выбор пал на меня, потому что я уже начал пробовать себя как педагог, давал классы и вообще мне было интересно это. А с другой стороны, я понимал, что задержаться в Большом театре надолго ни к чему не приведет. Я не мог в силу своих возможностей стать первым. То есть это мало интересно мне было. Поэтому я согласился. Хотя очень, очень долго колебался. Сейчас понимаю, что это было правильно. А после этого Куба мне открыла совершенно другие горизонты. И культурные, и языковые, и творческие, какие угодно.

01:53:55

Вы же очень быстро выучили язык, да?

Да, да. Это я так всерьез тогда взялся. Понимал, что этот барьер надо перепрыгнуть. Сразу чуть ли, буквально на следующий день я записался там в этот колледж для иностранцев. Ну и потом столько всего. Это был всего контракт на год. А когда он прошел, оказалось, что так интересно, что мне предложили дальше, дальше. И так прошло 10 лет. Когда практически я увидел, как вырос мужской танец. От малышей до ведущих солистов.

01:54:36

Вот расскажите, как вы сумели танцовщиков-мужчин выучить? Это же практически, я так понимаю, было...

Ну, кубинцы, они вообще очень музыкальные, пластичные. Они так хорошо реагируют на замечания. Они быстро схватывали. Хотя первый выпуск, конечно, был не идеальный. Но из них вышли... По крайней мере, один из них стал потом... Заместил меня как партнер Алисии Алонсо. А я его вырастил практически с 12 лет, когда ему было.

01:55:09

Вы там пишете, что не отдавали мальчиков в балет, потому что считалось...

Да, да, ну конечно. Мачизм на Кубе был серьезный. Да и сейчас существует это. И с определенными резонами, действительно. А этих мальчишек мы набрали в сиротском доме. Поэтому сопротивление было небольшое. Наоборот, они, чтобы вырваться оттуда, были готовы танцевать где угодно. На чем угодно.

01:55:43

И вот у вас есть такой эпизод... Во-первых, с Фиделем Кастро вы встречались, да?

Да...

01:55:50

Скажите, о ваших вот таких вот... впечатлениях, скажем так.

Ну, разные были. Он довольно часто приходил на спектакли. Он любил Алисию Алонсо. Помог ей создать коллектив. Давал средства. Даже в трудное время нам было выделено специальное питание даже. Так что он активно участвовал. Не в пример Че Геваре, который балет никак не воспринимал, по-моему.

01:56:22

Вы помните Че Гевару?

Ну, конечно. На приемах часто встречались. Но ему было интересно скорее в шахматы поиграть с кем-нибудь. А Фидель, да, очень спонтанный всегда, какой-то такой неожиданно вырывающийся, яркий, излучающий энергию. Он интересен был. А такой совсем короткий контакт был, смешно. Я описываю этот эпизод, когда он снял фуражку, надел на одну девочку. И отец этой девочки говорит: «Фидель, ты подпиши эту фуражку». И он вытащил такой с четырьмя грифелями ручку, пытался что-то написать на материале, который, конечно, невозможно было. И у меня был фломастер, который я протянул ему и говорю: «Вот, Фидель, этот, наверное, напишет». И он действительно так по материалу красиво фломастером написал: «Фидель Кастро», отдал ей, протянул обратно мне фломастер, я говорю: «Не надо, это мой подарок». Он говорит: «Тогда возьми мой». Этот с четырьмя грифелями. Но самое смешное, что он говорит: «Видишь, все четыре красных, не потому что я экстремист. Просто других чернил не было».

01:57:52

Как вы вообще относитесь к Фиделю Кастро?

Ну, Фидель... Поначалу у него были благие намерения. И я верил в то, что он такой молодой, двадцати-тридцатилетний парень вообще, который полон каких-то идей новых. И окружение у него было такое интересное. И Камило Сьенфуэгос, и Че Гевара, и какие-то они все, какой-то заряд нового. Вот это дыхание меня очень поначалу вдохновляло. Но, как говорится, благими намерениями вымощен путь в ад. Он, к сожалению, превратил страну в ад. Он сам попал в эту ловушку. Он уже иначе не мог, чтобы удержаться у власти. И очень сожалею, что так, в общем, замечательная страна вынуждена была жить и продолжает жить с большими трудностями. Очень часто они просто повторяли наши ошибки. Практически один к одному. Всегда мы с Альберто Алонсо, с этим хореографом, который сделал «Кармен», мы с ним часто дискутировали о каких-то перспективах. И когда я ему излагал, что будет, и когда всё это случалось, он говорил: «Какой ты умный». Я говорю: «Я не умный. Мы просто всё это проходили».

01:59:33

Бежали, я так помню, по вашим рассказам, люди из Кубы? Да? Вот артисты балетов, я имею в виду, парижские, помните, вы описывали парижские гастроли?

Да.

01:59:46

Да, и там написали, что человек десять просто...

А, это не сбежали, это из кубинской труппы.

01:59:53

Да-да, из кубинской, да.

А, ну, это вот были небольшие репрессии на остатке, так сказать, как это называлось, ЛГТБ [ЛГБТ] [«движение ЛГБТ» признано в России экстремистским]?

02:00:05

Гомосексуалы.

Да. И были, конечно, артисты кубинские, гомосексуалы. Не только те, про которые я рассказываю, которые уже были. И вот когда мы приехали в Париж на этот фестиваль, они, десять человек, попросили убежище. Это был жуткий удар для труппы, потому что приходилось девочек переодевать в мальчиков, чтобы замещать их где-то в каких-то танцах. Ну, к сожалению, они обрели эту свободу, эти ребята, дорогой ценой, потому что большинство из них погибли от СПИДа. Очень... практически из десяти семь, я помню.

02:01:00

Вообще, сочувствовали людям, которые оставались на Западе? Вы их понимали?

Понимал, конечно. Понимал, понимал... И уже я был достаточно опытен, чтобы понять, что оставаться вот так вот, кидаться в никуда, это иллюзия. Потому что у нас был очень большой недостаток информации о жизни там. Всё казалось: вот у нас совсем плохо, а там совсем хорошо. Оказывалось, что у нас тоже не совсем плохо, а там совсем нехорошо бывает. И сколько сейчас я встречаю людей, которые или стремятся вернуться, или сожалеют, что осели там. Даже... Ну когда приходит возраст, когда уже понимаешь, что на тебя нет спроса, там забываются люди. То есть недостаток информации о жизни там очень многих привел к такому краху жизни.

02:02:09

Но вы разве сожалеете, что сейчас живете в Швейцарии?

Нет, нет, не сожалею, ни в коем случае. Но я рад, что я могу возвращаться, что я сохраняю здесь и связи, и друзей. И потом таких, как я, много, которые не то что между двух стульев живут, но всё-таки уже не чувствуют этого барьера, про который я говорил, что ты вот уехал, и это навсегда, и это фатально, и уже такого ты больше не вернешь. Вот это было страшно всегда. А когда не страшно вернуться... Надеюсь, что этот статус сохранится. Есть надежда у меня.

02:02:55

Сейчас есть большое количество молодых людей, которые считают, что Советский Союз, вот тот, как он существовал, скажем так, до его падения и развала, это было прекрасно, это вообще, вот нам бы туда вернуться, и просто...

Вот это то, чего я больше всего боюсь.

02:03:13

Вот расскажите, почему вы не советуете этим молодым людям, которые вообще понятия не имеют, что такое Советский Союз?..

Недостаток информации. Вот им не объяснили всех ужасов. Слава богу, что открыли архивы КГБ и я мог узнать, что произошло с моим отцом и с миллионом других. Но не знаю, правда ли это, что эти архивы снова закрыты и недоступны. Если это так, то это прятать голову в песок, как страусы и не позволять людям узнать ужасы прошлого и не совершить этого слова, которое я говорю, покаяние, чтобы не допустить в прошлое.

02:04:03

Архивы, конечно, не закрыты, но просто информация частями закрывается, закрывается, закрывается.

Ну вот это меня пугает.

02:04:13

Я имею в виду немножко другое. Вы в Советском Союзе могли жить, выезжать за границу. Это вообще была такая реальная привилегия, да? Но при этом, я так понимаю, что вы не хотели бы вернуться сейчас бы в тот Советский Союз?

В тот нет. А в этот я с удовольствием возвращаюсь, когда я прихожу в театр, когда я вижу

замечательных танцовщиков, когда я могу передать им какой-то опыт и когда они с интересом смотрят, что я им предлагаю. Я чувствую себя востребованным. А востребованным я чувствую в лучшем театре мира. Это меня очень вдохновляет.

02:04:53

Ну это другое, да? То, что вы сейчас можете вернуться, потому что страна, в общем-то, открыта пока.

Да, я про это говорю. И страна открыта, и мне есть что сказать.

02:05:04

А я имею в виду, вот что бы вы могли сказать людям, которые хотят вернуться в тот Советский Союз, который был до, скажем так, до перестройки, до 1991 года, до возможности выехать за границу, уже вот так, как сейчас можно, вот тем людям, которые идеализируют Советский Союз?

Ну я бы им с удовольствием рассказал, но, наверное, это не моя задача, это ваша задача.

02:05:31

Ну всё-таки, что?

Рассказать. Окститесь. Одним словом. Нет, ну такие люди вызывают у меня только сожаление. Только сожаление. Это люди, которые питаются совершенно фальшивыми иллюзиями. Ну, не виноваты они. Нет у них достаточной информации. Хотя могут почитать и Шаламова, и Солженицына, ну, видно, это не падает на благодатную почву у них.

02:06:13

Азарий Михайлович, вот такой вопрос, ну, собственно, я это и своей семье задавала, потому что у меня тоже мои родители, мои старшие братья, которые тоже у меня там старшие, они все были членами партии. Потому что нельзя было сделать карьеру в науке, не...

Ну я вам про это и говорил.

02:06:31

Но считаете ли вы, что люди, которые стояли у истоков этого государства, да, большевистского, и были членами партии, они несут ответственность за то, что произошло со страной?

Ну я тогда должен был бы осуждать и своего отца. Ну мы часто с Майей говорили об этом. Она тоже с сожалением говорила: «Дурак, идеалист». Ну были такие идеалисты, действительно, были люди, которые хотели лучше, потому что совсем не всё было в порядке в русской империи. И то, что они хотели перестроить, это и справедливость. Ну всё время попадаем в те же ловушки, в те же благие намерения, которые ведут в ад, к сожалению, ну а что же делать? Ну надо, как-то всё равно надо информировать этих заблудших, которые хотят вернуться в розовое прошлое, когда расстреливали без суда и следствия.

02:07:49

У Майи Михайловны, я так понимаю, было достаточно четкое отношение, да, к...

Да. Да, да.

02:07:55

Вы были солидарны?

Абсолютно с ней.

02:07:59

А ваш старший брат Александр?

Тоже, тоже. Конечно. Конечно, он был солидарен с этим. Мы только сожалели о людях. К сожалению, их становится больше и больше, которые считают, что в прошлом было лучше. Наверное, это какое-то расслоение происходит. Ну опять же, недостаток информации или

нежелание понять.

02:08:37

Азарий Михайлович, вот вы на выпускном экзамене в училище танцевали номер, поставленный для вас на второй этюд...

Скрябина.

02:08:50

Скрябина.

Да, Голейзовский.

02:08:53

Да. [нрзб] Ладно, я хотела дать вам послушать, мне бы очень хотелось, чтобы вы вспомнили это.

Этюд этот?

02:09:03

Этот этюд.

Музыку я помню, второго. [Напевает] Да, я помню отлично. Я могу спеть его с начала до конца.

02:09:24

Да. Прямо спеть можете?

Ну, я вам спел только что.

02:09:30

Сейчас. Сейчас, я просто хотела, чтобы вы услышали. Сейчас скажу, для чего. Вы можете, если мы сейчас его найдем, вспомнить, как вы танцевали [нрзб]?

Ну, все движения я не вспомню.

02:09:47

Нет, это неважно, ощущения.

Ощущения, да.

02:09:49

Сейчас мы постараемся.

[Напевает]

02:10:03

Это он?

02:10:04

Да.

Вот я... [Напевает] И опять как сначала. [Напевает] Сейчас по-другому немножечко [Напевает] И сейчас с форшлагом будет. [Напевает] Вот с форшлагом. [Напевает] Как сначала, первая фраза. [Напевает] Конечно. [Напевает] В миноре. [Напевает] Затих. Всё правильно.

02:12:36

Кто вам поставил этот номер?

Касьян Голейзовский.

02:12:41

Это было специально для вас?

Да, да. Я его просил тогда. Ездил за ним домой ночами, вечерами. С Ксюшей Слепухиной мы танцевали это. Потом он включил это в свою программу. Это был самый первый... Он был тогда тоже такой опальный хореограф. Касьян. Его всё время ругали за модернизм. Примечательный. Обожали мы его. Такой настоящий, тонкий художник. Вы его знали?

02:13:17

Нет, только вот из ваших...

Да. Чудный. Похоронен в Бехово. В имении Поленова. На Оке.

02:13:31

Азарий Михайлович, я вас благодарю. За такой чудесный рассказ.

Спасибо вам огромное.

02:13:39

Спасибо.